ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ ЗАПАДНОГО ФЕМИНИЗМА (на примере философских идей Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар)

Раскрывается соотношение основных понятий экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра и концепции «второго пола» С. де Бовуар. Исследуется влияние философии существования на формирование экзистенциальной перспективы в анализе специфического положения женщины в обществе. Базовые понятия экзистенциализма рассматриваются как основа для не-эссенциалистского понимания женской телесности и женского существования.

Ключевые слова: экзистенция; феминизм; телесность; ситуация; проект; свобода; ответственность.

Как мало значит для меня право голоса,
право собственности и т.п.,
если мне не позволено владеть своим телом
и распоряжаться им по своему усмотрению.

Люси Стоун

Термин «феминизм» изначально был принят для обозначения движения за «равные юридические и политические права женщин с мужчинами» [1. С. 7]. Эта правовая ориентация женского движения рассматривалась как основное направление борьбы за изменение действительного положения женщин в обществе. Теоретические же аспекты феминизма до середины XX в. имели вспомогательное значение аргументации в сложной правовой дискуссии и как таковые самостоятельного значения не имели. По мере того как женщины начали добиваться успеха в обретении некоторых прав и свобод (право голоса, право на образование и т.п.), слабость теоретической аргументации, ее зависимость от традиционных гегемонных мужских схем восприятия, мужской «фразеологии» стали очевидными. А продолжающееся и нарастающее ощущение женщинами собственной угнетенности, несмотря на изменение политической ситуации, сделало явным тот ранее не замеченный факт, что корни женской дискриминации связаны не столько с отсутствием конкретных «прав», сколько с самим «пониманием» женского в западной культуре, пониманием, которое независимо от внешнего положения вещей неизменно помещало женщин в ту символическую, экономическую и политическую нишу, нахождения в которой пытались избежать все участницы феминистского движения. Таким образом, необходимость помещения полемики о положении женщин в обществе в рамки новой соответствующей особенностям феминистического дискурса теоретической перспективы становится в XX в. очевидной, и именно успешное обретение данной перспективы, как будет показано ниже, привело к мощному развитию теории феминизма и дальнейшей институализации женских исследований.

Итак, первичная аргументация необходимости изменения правового статуса женщин была сформулирована либеральными феминистками и основывалась на традиционном для западно-европейской цивилизации понимании человека: человек – существо разумное, а следовательно, признавая женщину человеком, необходимо признать ее существом, вполне обладающим этим существенным признаком человека, а значит, и способным распоряжаться собственной жизнью согласно с собственным же разумением. Как вопрошала еще в XVII в. англичанка Мэри Эстелл, «поскольку Бог наделил женщин, как и мужчин, ра-

зумной душой, почему им возбраняется пользоваться ею?» [Там же. С. 21]. С точки зрения классического либерализма, таким образом, необходимо признать «рациональность женщин», очевидную вследствие их человечности, и это признание является достаточным аргументом для того, чтобы были выполнены соответствующие требования – «право голоса, право на собственность, образование, оплачиваемый труд и активное участие в политической и религиозной жизни общества» [Там же. С. 48].

Ясно выраженный акцент на политических правах и свободах придавал женскому движению практический смысл, а обращение к мужскому сообществу упрека в несправедливой дерационализации женской природы придавало логическую обоснованность практическим притязаниям. Однако данная тактика не могла быть успешной, поскольку апелляция к сущностной модели, в рамках которой человек является человеком лишь следуя своей высшей разумной природе, предполагает и сущностное понимание полового различия, при котором мужчина является разумным вполне, а женщина лишь постольку, поскольку она может быть воспитываема и руководима мужчиной. Другими словами, эссенциалистское представление о человеке неизбежно в рамках западной философской традиции сопряжено с эссенциалистским представлением о неполноценности женщин. Начиная с Античности западная мысль несет в себе тождество человечности, разумности и мужественности, что привело даже к распространению в современной литературе особого термина, указывающего на эту нераздельность, – «фаллоцентризм». Только избавление от сущностной модели человека могло способствовать действительно успешному развитию женского освободительного движения.

Философия экзистенциализма с начала XX в. определила своей задачей преодоление сущностной модели человека, утверждение и обоснование безусловного приоритета человеческого существования над какими бы то ни было трансцендентными сущностями. С помощью целой системы категорий представители экзистенциальной философии пытаются создать новую жизненную теорию – теорию человеческого существования.

Главной из этих категорий является *экзистенция* – человеческая субъективность, «то, чем я являюсь для себя». Экзистенция, или существование, не поддается рациональному постижению, не может стать объектом.

Познать экзистенцию можно лишь переживая ее. Человеческое существование переживается в двух модусах, или способах бытия: *неподлинном* и *подлинном*. В неподлинном модусе человек понимает и переживает себя не из себя самого, а через нечто другое. Например, через те социальные роли, которые исполняет в обществе, или через те вещи, которыми обладает. Пожалуй, все экзистенциальные философы едины в том, что каждый человек большую часть своей жизни проживает именно неподлинно. Переход из неподлинного к подлинному модусу бытия происходит через отличие себя от внешних характеристик своей жизни, через переживание своей уникальности и свободы.

Каждое человеческое существование *заброшено в ситуацию*, которая представляет собой не просто фон, но совершенно определенное стечение обстоятельств. Человек не может избежать заточения в ситуацию. В каждое мгновение своей жизни мы уже оказываемся в ситуации, которую не выбирали, которая не считается с нашими желаниями и потребностями, стесняет нас как нечто чуждое и враждебное. Среди бесконечного количества разнообразных ситуаций, сковывающих человека в его заброшенности, есть некие особенные ситуации, которые могут способствовать выходу человека из неподлинного в подлинный модус бытия. Они называются *пограничными*. Пограничными являются такие ситуации, как ужас, смерть (осознание своей смертности), скука, тоска, отчаяние и т.п.

Пожалуй, самым знаменитым и авторитетным теоретиком и практиком экзистенциализма можно считать французского философа, писателя и общественного деятеля Жана-Поля Сартра (1905–1980). В первой половине XX в. экзистенциализм приобрел известность в широких кругах как некое мрачное или упадническое настроение. Ж.-П. Сартр пытается защитить экзистенциализм и открыть подлинный смысл этого учения. Для этой цели он излагает основные идеи экзистенциальной философии в своей знаменитой работе «Экзистенциализм – это гуманизм».

В этой работе Ж.-П. Сартр доводит до логического завершения идею превосходства человеческого существования над сущностью. Экзистенциализм, с точки зрения Ж.-П. Сартра, – такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь, поскольку говорит о человеческом существовании. Человеческое существование – не объект и не может быть определено. Экзистенция переживается субъективно. Однако само это переживание может быть описано с помощью экзистенциалов (характеристик экзистенции).

Экзистенциалы человеческого существования:

1. Первичность существования по отношению к сущности.

«Человек – это, прежде всего, проект, который переживается субъективно, а не мох и не плесень и не цветная капуста» [2. С. 323]. Человек делает самого себя, постепенно обретает свою сущность, изначально уже обладая существованием. Процесс обретения сущности длится всю жизнь, не теряя остроты и драматизма.

2. Свобода. Если нет заданной человеческой природы, то никакая внешняя сила, никто, кроме данного индивида, не способен превратить его в человека, он должен сделать это сам. «Человек осужден быть свободным: осужден, потому что не сам себя создал и все-

таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает» [Там же. С. 327].

3. Ответственность. «Экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [2. С. 323]. Ответственность перед самими собой (только я в ответе за свою судьбу) и перед всеми людьми (выбирая определенную жизненную стратегию, я утверждаю ее ценность для человека вообще): «...выбирая себя, я выбираю человека вообще» [Там же. С. 324].

4. Тревога. Так как нет изначально правильного и неправильного, человек не может быть абсолютно уверен в своем выборе. Любой ответственный выбор порождает в человеке тревогу, но его действия от этого не становятся менее решительными. «Не может быть больше блага априори, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил. И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, не нужно лгать; и именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут одни только люди» [Там же. С. 327]. Мир будет таким, каким выстроят его люди. Нет никаких гарантий светлого будущего, нет само собой развивающегося прогресса – все зависит от нас.

5. Поступок. Пока мы не поступаем, мы не знаем, каковы мы на самом деле. Человек есть ряд его поступков. Не надо судить о человеке по его планам, желаниям и мечтам. Только по поступкам определяется человек. Например, человек, совершивший трусливый поступок, как правило, оправдывает себя определенным стечением обстоятельств, складом своего характера или иными причинами. К тому же склонно и общественное мнение. Но экзистенциальная философия не оставляет никаких оснований человеческой трусости, кроме свободной воли. Трус виноват в том, что он трус. Это результат его трусливого поступка.

6. Соотнесенность с другим. Чтобы понять себя, человек должен соотнести себя с другим человеком. «Другой – стоящая передо мной свобода, которая мыслит и желает “за” или “против” меня и этим ограничивает меня» [2. С. 336].

Существует также и некая общность условий, связывающая нас с другими людьми. Не природа, а условия определяют человеческое существование, задают для него «совокупность априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме» [Там же]. «Не изменяются для человека: необходимость быть в мире; быть за работой; быть среди других и быть смертным. Эти пределы объективны, поскольку встречаются повсюду и повсюду могут быть опознаны, и субъективны, так как переживаемы – ничто, если не пережить» [Там же].

Таким образом, с точки зрения Ж.-П. Сартра, экзистенциализм – «единственная теория, придающая человеку достоинство, которая не делает из него объект» [2. С. 335]. «Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может спасти его от себя самого» [Там же. С. 344].

В 1964 г. Ж.-П. Сартру была присуждена Нобелевская премия по литературе «за богатое идеями, пронизанное духом свободы и поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время». Ж.-П. Сартр отказался от этой премии, но это не отменяет того факта, что его творчество оказало действительно огромное влияние на «наше время».

Один из аспектов этого влияния тесно связан с теоретической платформой феминизма. Трансформируя эссенциалистскую перспективу понимания человека, Ж.-П. Сартр одновременно создал философские предпосылки для трансформации эссенциалистского понимания женщины. Именно эта философская платформа стала подлинным основанием нового революционного понимания женщины, впервые вызволяла женщину из тисков дуалистического мировоззрения, сила которых не столь очевидна, как притеснения на политической арене, однако не менее репрессивна.

Первой эту связь экзистенциальной метафизики и феминистской идеологии смогла почувствовать и блестяще сформулировать соратница, единомышленник и спутница жизни Ж.-П. Сартра – Симона де Бовуар (1908–1986). Будучи исключительно одаренной эссеисткой, писательницей, философом, она предприняла серьезное исследование, в котором подробно проанализировала различные стороны жизни женщины. Эта работа привела Симону к нескольким важным выводам, главный из которых базировался на следующем утверждении: «женщиной не рождаются, ею становятся». Исследование женственности выросло у де Бовуар не в описание того, что значит быть женщиной, но в описание основных путей становления женщиной, которое с особой остротой и ясностью раскрывало основополагающую «друговость» женщины в мужском мире. Это исследование вышло в свет в 1949 г., сначала на французском языке, а затем и в переводах, под названием «Второй пол». Идеи, высказанные Симоной в этой книге, оказали огромное влияние на развитие феминистской теории практически во всех ее разнообразных проявлениях.

Итак, в своей книге «Второй пол» С. де Бовуар прямо характеризует экзистенциализм в качестве основы своего подхода к пониманию женственности: «...перспектива, которую принимаем мы, – это перспектива экзистенциалистской морали. Любой субъект конкретно полагает себя через определенные проекты – это его трансценденция. Он осуществляет свою свободу лишь путем постоянного самоопределения на пути к другим свободам. Единственное оправдание его сегодняшнего существования – это его устремленность в бесконечно открытое будущее» [3. С. 39]. Таким образом, жизненный путь человеческой личности, как в историческом, так и в личном плане, раскрывается Симоной в перспективе свободного проектирования себя, однако для женщины эта свобода имеет достаточно жесткое ограничение. Женщина может проектировать себя лишь как «зеркало мужчины», Другое мужчины, Объект мужчины. «Вот почему особенность ситуации женщины, – пишет де Бовуар, – состоит в том, что, обладая, как и любой человек, автономной свободой, она познает и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют ее принять себя как Другого: ее хотят определить в качестве объекта и обречь тем самым на имманентность, косность, поскольку трансценденция ее будет постоянно осуществляться другим сознанием, сущностным и суверенным. Драма женщины – в конфликте между фундаментальным притязанием всякого субъекта, всегда полагающего себя как существенное, и требованиями ситуации, определяющей ее как несущественное» [Там же. С. 40]. Иными словами, обладая принципиальной свободой самоопределения, женщина заброшена в ситуацию,

которая затрудняет реализацию этого фундаментального экзистенциала человеческого существования, больше того, создает парадоксальную возможность «выбирать против себя» [4. С. 297], проектировать себя вопреки своим собственным стремлениям и желаниям. Сущностная модель понимания половых различий определяет культурные рамки возможностей развития женщины, подавляет женскую экзистенцию, удерживая, таким образом, женщину в неподлинном модусе бытия.

Экзистенциальные мотивы в интерпретации женственности здесь настолько очевидны, что позволяют, например, современному американскому философу Джудит Батлер охарактеризовать «Второй пол» как «пример и воплощение философии в ситуации» [Там же. С. 292].

Женская ситуация изначально обусловлена способностью к воспроизводству человеческой жизни. Особенно ясно эта зависимость женщины от собственного тела проявляется, с точки зрения де Бовуар, на заре истории человечества, когда основные репрессивные культурные схемы еще не были сформированы. Не зная стабильности практически ни в чем, первобытные кочевые племена придавали деторождению слишком малое значение, что де Бовуар считает очевидным вследствие широкого распространения в древности инфантицида [3. С. 94]. Таким образом, женщина занималась делом, не имеющим в глазах общества серьезной ценности (вынашивание, рождение, вскармливание детей). При этом данное занятие с необходимостью оказывалось сопряженным с рутинной домашней работой, ослаблением физических сил организма, невозможностью обрести навыки созидания чего-то нового, того, что могло бы иметь безусловную ценность в глазах общества. Как подчеркивает де Бовуар, «женщине, рожавшей детей, была неведома гордость созидания, она чувствовала себя пассивной игрушкой темных сил, а болезненные роды были событием бесполезным, а то и досадным» [Там же]. Другими словами, независимо от видения женщиной своего призвания и осознания ею своих способностей, проект, навязываемый ее собственным телом, за редким исключением мог быть только один. Тело беременеющее, рождающее, вскармливающее и снова беременеющее удерживает женскую экзистенцию в рамках биологии, блокируя возможности свободного самоопределения. Таким образом, именно для женщины ее тело становится биологической тюрьмой и, одновременно, культурной судьбой или драмой.

Деятельность мужчины, с точки зрения Симоны де Бовуар, напротив, в гораздо меньшей мере обусловлена его телесностью. Обеспечение семьи, добыча пищи для коллектива, военные подвиги и победы никак не могут быть признаны рутинной. Они связаны с соревновательностью и изобретательностью, совершенствованием своих навыков и, в конечном счете, могут быть признаны серией актов, «трансцендирующих животное состояние» [Там же]. Мужчина испытывает себя, «полагает цели и проектирует к ним пути – он реализуется как человек существующий» [Там же. С. 95]. Больше того, его деятельность, будучи связана с риском для жизни, наглядно демонстрирует, что жизнь человека не есть самоцель; есть цели, для которых сама жизнь может выступать средством, – подвиг, честь, достоинство, мужество и т.п. «На уровне биологии, – пишет де Бовуар, – вид может поддерживать себя, лишь заново себя создавая; но это сози-

дание – не что иное, как повторение той же самой Жизни в различных формах. Человек обеспечивает повторение Жизни, трансцендируя Жизнь посредством своего Существования, Экзистенции; превосходя самого себя, он создает ценности, которые полностью обесценивают простое повторение. У животных ничем не стесненное разнообразие деятельности самца оказывается совершенно напрасным, потому что у самца нет никакого проекта; когда он не служит виду, все его действия ничего не стоят; самец же человека, служа роду, преобразует мир, создает новые инструменты, изобретает и кует будущее» [3. С. 95].

Интересно то, что, рассуждая, о биологической «тюрьме», в которой замкнута женщина, Симона де Бовуар не имеет в виду биологическую предопределенность. Телесность женщины есть ситуация (в экзистенциальном смысле), а значит, ее ограничения все же могут быть преодолены. Свидетельством тому является жизнь самой де Бовуар, которая определенно и осознанно отказалась от ролей матери, жены, домохозяйки. Однако именно эта ситуация делает понятной и в определенной мере оправданной иерархию полов, которая в западной культуре закрепила посредством метафизики и рационализма. «Перспектива философии существования, – отмечает де Бовуар, – позволяет нам понять, почему биологическая и экономическая ситуация в примитивных племенах должна была привести к мужскому главенству. Самка подчинена роду в большей степени, чем самец; человечество всегда стремилось выйти за пределы особой судьбы; с изобретением орудий труда поддержание жизни стало для мужчины деятельностью и проектом, тогда как материнство для женщины так и осталось связанным с телом, как у животных. Мужчина стал полагать себя по отношению к женщине как хозяин, потому что человечество поставило вопрос о сути своего бытия, то есть предпочло жизни смысл жизни; проект мужчины заключается не в том, чтобы повторяться во времени, а в том, чтобы восторжествовать над мгновением и ковать будущее. Именно мужская деятельность, создавая ценности, утвердила как ценность само существование; она одержала верх над темными силами жизни, а также поработила Природу и Женщину» [Там же. С. 96]. Таким образом, будучи ситуацией, телесность должна пониматься не как «естественное предназначение», но как навязчивая возможность выбирать против своего существования.

Все, что принято называть «характером» женщины, все образы и мифы, к которым отсылает традиционное понимание женщины, сформированы совершенно определенной женской ситуацией. Поэтому они и содержат в себе много общего. Как подчеркивает де Бовуар, все устоявшиеся стереотипы женского несут в себе определенную долю истины, однако их нельзя считать обусловленными природой, гормонами, клет-

ками мозга, «общество, общественное устройство, принуждает женщину вырабатывать в себе определенные качества и диктует ей формы поведения, которые предопределены ее “ситуацией”» [3. С. 674].

Традиционное представление о женщине как о Другом мужчины, как об Объекте мужчины формирует в женщинах зависимое сознание, воспринимающее себя не своими глазами, оценивающее свои жизненные перспективы не своим умом. Данная установка транслируется из поколения в поколение, подчиняя каждое новое женское существо образу принцессы, все мечты которой связаны (или определенно должны быть связаны в глазах общества) с образом Принца, который однажды придет и решит за нее все ее проблемы. В лучших традициях экзистенциальной философии Симона де Бовуар приходит к выводу о том, что «женская ситуация» может и должна быть изменена. Но начало изменений не может прийти извне. Уникальная женская экзистенция должна осознать свою необъективируемую природу и приложить все возможные усилия для того, чтобы стать хозяйкой своей собственной жизни, творцом своего жизненного проекта. Творческое самосознание и активная жизненная позиция способны, по де Бовуар, изменить мир, в котором «человеку надлежит добиться торжества царства свободы» [Там же. С. 809]. Внутренняя работа, постоянно проявляющаяся во внешней активности, – вот основная задача женщины, стремящейся трансцендировать свою ситуацию. «Один только труд, – утверждает де Бовуар, – может гарантировать ей реальную свободу. Как только женщина перестает вести паразитический образ жизни, система, основанная на ее зависимости, рушится, исчезает необходимость в посреднике-мужчине, который связывает ее с внешним миром» [Там же. С. 759].

Работа Симоны де Бовуар оказала решающее влияние на возникновение и развитие «второй волны» феминизма, которая отличается большей степенью рефлексивности, большим вниманием к теоретической стороне «женского вопроса». Как замечает Светлана Айвазова, «под непосредственным воздействием ее идей в 70-е годы повсеместно в западных университетах возникают центры “женских” или “феминистских” исследований с особыми программами, включающими специалистов по биологии, физиологии, антропологии, этнографии, философии, истории, филологии» [Там же. С. 19]. Таким образом, именно экзистенциально-философская перспектива, взятая за основу Симоной де Бовуар, открыла совершенно новые возможности в понимании особенностей женского положения в обществе, помогла трансцендировать вопрос о женской телесности за рамки природной заданности. Такие экзистенциалы, как погруженность в ситуацию, свобода, ответственность, существование как проект себя, стали подлинной основой нового понимания женщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма / пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М. : Идея-Пресс, 2000. 304 с.
2. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.
3. *Бовуар С. де.* Второй пол / пер. с фр. ; общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, ком. М.В. Аристовой. М. : Прогресс ; СПб. : Алетея, 1997. Т. 1, 2.
4. *Батлер Дж.* Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирселл ; пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2005. С. 292–303.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 апреля 2013 г.